

Иван Ильин

ОБ ИСКРЕННОСТИ¹

Пока человек живет на земле, он остается одиноким, и ему не предоставлена свобода вырваться из этого одиночества или устранить его совсем. Основной способ бытия, присущий человеку, остается вечно тем же и не меняется на протяжении тысячелетий, и если бы он по существу своему изменился, то человек перестал бы быть собою, а стал бы каким-то «сверх-человеком» или «не-до-человеком», о котором мы ныне не имеем ни малейшего представления.

Каждый из нас есть единичная, замкнутая в себе душа, скрытая за единичным и единственным в своем роде индивидуальным телом, с которым она таинственным образом связана, которое ее обслуживает и выражает ее состояния. Именно этот способ бытия обеспечивает каждому из нас все *бремя* и все *благодатные преимущества* одинокой жизни.

Одинокость² есть *бремя*, потому что было бы гораздо легче затеряться в слитном и несамостоятельном бытии людей, утонуть во всесмешении, нежели утверждать свою *самобытность и самостоятельность*, и притом на надлежащей высоте, то есть самому идти через жизнь, проходя *ответственный, сердечно-искренний и творческий* путь. Но одинокость имеет также свои великие

¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Глава V. У врат. 32. Об искренности // Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 678–683.

Das verschollene Herz. Ein Buch stiller Betrachtungen. Bern, 1943 [Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний]. Русский вариант – «Поющее сердце» – был издан в 1958 году (Мюнхен).

² Надо различать – «одиночество» и «одинокость». Одиночество человека состоит в том, что у него мало связей с другими людьми, мало общения, мало взаимного понимания, симпатии, дружбы, любви. Этому противостоит не-одиночество, то есть богатое и разнообразное общение и обилие творческих связей с другими. Все это осуществляется в пределах общей всем людям одинокости, потому что и скудость связей, и обилие общения устанавливаются и протекают в пределах неизбежной для человека основной для его жизни одинокости. Одинокость есть способ бытия, присущий и уединенно живущему, непонятому человеку, и успешно общающемуся, многообразно связанному индивидууму. Все люди одиноки – одинокостью. Но одни заполняют свою одинокость щедрым и цветущим общением и потому менее замечают ее и менее страдают от нее. А другие предаются одиночеству в пределах своей одинокости, и именно таким людям дано изведать до дна ее естество, ее духовное значение и ее законы.

и благодатные *преимущества*, потому что она есть живая основа и необходимая предпосылка *свободы духовности, личного очищения и просветления*.

Как ужасна была бы жизнь, если бы у человека не было внутренней отрешенности, если бы у него не было возможности уйти в свое огражденное и целомудренное одиночество, чтобы сосредоточиваться в себе, находить себя, работать над своим очищением и самосовершенствованием... Тогда человек был бы подобен дому с прозрачными стенами, в котором снаружи все всегда всем видно, или проходному жилищу, доступ в которое всегда и отовсюду открыт всякому гаду, зверю и злодею: в жизни его не было бы ничего прикровенного, огражденного, неприкосновенного и священного... Вечный сквозняк. Вечный проход и пролом. Уличный тротуар, открытый для всяческого злоупотребления. Безличное и бесформенное смешение. Вечно погрязшая святыня...

Как это чудесно, как это премудро устроено, что мы, благодаря нашему человечески-земному способу бытия, защищены от взаимного вторжения, опошления и надругательства. Какое благотворное, прямо благодатное значение имеет в этом наша земная «оболочка», наше тело: оно ограждает непроницаемость нашей души, оно обороняет самоопределение нашего духа, оно блюдет тайну личного обращения к Богу и приближения к Нему. Человек устроен «от природы» так, что он может оставаться с *Богом наедине*, и он был создан таким именно для того, чтобы Господь мог быть *наедине с ним*. Человек есть *личный творческий центр*: в нем самом заложена та прочная граница, тот предел, о который сокрушится всякая произвольная коллективизация, противоестественная и противорелигиозная...

Но человеку даны одиночество и самостоятельность совсем не для того, чтобы изолировать его от его ближних или чтобы сделать из него хитроумного интригана, всесветного обманщика... Самостояние и самобытность человека – его, скажем, «само-основность» – совсем не означает отказ от общения, от совместности и любви. Духовная «аутаркия» (самосильность) совсем не должна вести к заносчивости или гордыне. Отрешенность дана человеку для того, чтобы он мог свободно обратиться к Богу, очиститься и укрепиться в Его Духе и вступить в общение с людьми *в качестве свободного, но уже укорененного в Боге сына Любви*. Индивидуальность дается человеку как способность свободного Богосозерцания, как возможность стать духом, вести духовную жизнь и творить духовную культуру. В этом *цель* его жизни, это есть то, что он призван создать и развить в себе.

Человек есть мир в малом масштабе («микрокосм»), который должен осуществить в себе и про себя одухотворение, очищение и устройство (то есть воспитать в себе духовный характер) с тем, чтобы вслед за тем включиться и творчески вложиться в мир великого масштаба (в «макрокосм»). Самостоятельность человека не есть право на произвол и на безобразие. Свободу нельзя понимать как свободу *от* духа, *от* совести и *от* всякой веры. Напротив, великая симфония мира требует от каждого из нас, чтобы он укрепил и развил в себе свой самостоятельный голос и присоединил его свободное, личное пение в верной гармонии к общему хоровому пению, осуществляя предустановленный Богом мировой ритм.

И вот, *одиночество* человека есть высокое и нелегкое искусство, а *искренность* есть его лучшее проявление.

Чтобы быть искренним, человек должен внутренне найти себя и иметь достаточно мужества оставаться самим собою. Найти себя – значит увидеть сердцем свою святыню, прилепиться к ней и подчинить ей свою жизнь. Пока человек не совершил этого, он колеблется между различными возможностями, зовущими его, претендующими на него или соблазняющими его. Ни одна из них не имеет безусловного преимущества перед другими, ни одна из них не окончательна, и он может предаваться им и разыгрывать их по очереди. Его сердце не принадлежит «ничему», поэтому оно может в любую минуту измениться и изменить, начать «чувствовать» по-иному и предать всякое дело. Его дух есть как бы «ничья вещь» (“*res nullius*”), и потому он будет принадлежать «первому захватчику» (“*primo occupanti*”), как говорят римские юристы. Такой человек ни к чему не относится серьезно и благоговейно. Ни одна жизненная возможность не есть для него «единственная», то есть главная и необходимая. Он даже не может понять, что в жизни бывает *необходимо* быть «таким» и *только* «таким» и действовать «так» и *только* «так»...

Человек становится *искренним* тогда, когда он имеет в своей душе некое *священное средоточие*, к которому он относится с серьезным и целостным благоговением, когда он в своем жизненном выборе и делании «иначе» *не может и не хочет*. Тогда он стоит твердо. Тогда он имеет как бы крепкий якорь или живой и могучий корень. Тогда он и *не может* иначе *хотеть* и не хотел бы мочь иначе. И тогда ему нужно еще только *мужество*, чтобы блюсти верность своей святыне и делать из этого все жизненные выводы.

Чтобы быть искренним, человек должен стать *внутренне единым*. Пока его дух живет в разделении или разорванности, он не искренно любит, думает, говорит и поступает. Ибо в нем идет «гражданская война» с самим собою, он преследует одновременно различные цели и служит одновременно различным ценностям («богам»), в нем имеется несколько соперничающих между собою жизненных «центров», и он предает их один за другим. Все в нем двусмысленно и неверно: его любовь не сильна и стоит малого; его мышление условно и относительно, он блуждает, сомневается и ничего не создает; его слова лукавы; в решениях он остается всегда «себе на уме»; в делах он ненадежен, и верно-сти он не знает. Поэтому он обладает слабым характером, и полагаться на него нельзя. Первый и основной закон «индивидуальности» есть закон *внутренней неделимости*, этого закона он не соблюдает, им он не живет. Поэтому он *всегда неискренен*, даже наедине с самим собою, когда он про себя размышляет и принимает «одинокое» решения. Ибо у него нет внутреннего единства, а без него не бывает и искренности.

Человек *искренен* тогда, когда он носит в себе *центральный огонь*, от которого разливается *свет* и из которого летят во все стороны *искры*.

У древних греков и римлян был в каждом доме священный алтарь, на котором всегда лежали наготове тлеющие угли. Этот алтарь назывался по-гречески ἑστία (Гестия), а по-латыни Vesta (Веста) и почитался священным центром жилища...

Древние пифагорейцы утверждали, что в мире есть великий огненный центр («Κέντρο», «Μέσση»), первоизданное священное огнище, которое является творческим источником света, тепла и порядка. Филолай¹ обозначал этот центр словом «Ἑστία»: это было сразу – «Дом Божий» и в то же время «связующая сила вещей» и творческий источник природного порядка. Из этого источника происходил жизненный ритм мира...

И вот, каждый из нас призван утвердить в себе такую светящую и правящую *огненную купину* и жить в ее свете и законе. Тот, кто живет из нее, становится искренним. Его Гестия светит ему во всех делах, а он сам излучает в жизнь ее лучи. Она дарит ему тепло и энергию, и его сердце становится купиною и светит другим людям. Вся его жизнь получает направление и управление из этой купины, от этого ритм жизни становится единым и центральным, а его собственная воля становится верной и сильной. Тогда все искры его любви, его мысли, его поступков вылетают из этого огнища, купина его сердца посылает ему свои слова, и они становятся его словами; искренними становятся его решения, его воззрения, его письма и написанные им книги; и самая душа его оказывается ясною, светлою, определенной и искреннею.

Искренность есть *мужество*, и человек становится мужественным. Искренность есть *вернопреданность*, и человек становится верным поборником Божьего дела. Искренность есть *прозрачность* горящей души, и человек становится огненным и прозрачным. А это значит, что он счастливо разрешил задачу *отрешенности* и преуспел в *искусстве одиночества*...

Такие люди призваны совершать важнейшее в жизни, в культуре и в истории: их дело – молитва и освящение, созерцание и познание, воспитание и духовное окормление, академия и художество, правление и суд. Им дается в жизни истинная дружба, которая возникает из творческого обмена искрами. Такие люди суть столпы церкви, семьи и государства, ибо все человеческие союзы вырождаются при отсутствии духовной искренности – от лжи и обмана, от лукавства и предательства, и только искренность делает их жизнеспособными и сильными.

Церковь, построенная на неискренности и неискренно ведомая, искажает и извращает дело религии, она потеряла дверь в Царство Божие, она водворила фальшь на святом месте, она есть *мнимая* церковь. *Семья*, построенная на притворстве и обмане, есть пустая иллюзия: она создает пролганное общение и мнимое единение, у нее нет духовной державы, и она обречена на распадение. Пролганное *государство*, построенное на насилии, страхе и притворстве, есть организованная порочность: оно подрывает и угашает всякое взаимное доверие, оно извращает и обессиливает личную совесть и честь, оно лишает человеческую жизнь ее божественного смысла и ее творческой свободы.

Но в человеческой жизни есть благодатная и благодатная сила, которая невозможна вне искренности и всегда ее добивается. Это есть сила *живого сердца*. Сердце может любить только искренно; неискренняя любовь – совсем

¹ Филолай Кротонский (470–385 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-пифагореец, математик, современник Сократа и Демокрита.

не любовь. Сердце может петь только искренно; фальшивое пение фальшивого сердца не звучит перед Богом. Сердце может *молиться* только искренно; молитва, не восходящая из сердечной купины, есть предчувствие несостоявшейся молитвы или же простое притворство. Неискренняя *вера* есть самообман и симуляция. Неискреннее *искусство* фальшиво и нехудожественно. Неискренняя *доброта* есть противное лицемерие.

Великая беда современного человека состоит в том, что он *утратил искренность сердца*. Спасение его в том, чтобы восстановить ее и из нее начать новую культуру. Все, что задерживает этот процесс исцеления и возрождения, вредоносно. И вреднее всего, пагубнее всего то, что подавляет и ослабляет, расшатывает и подрывает искренность человеческого сердца.

Что может начать и создать человек с заглушим сердцем, если все великое и глубокое, все Божественное в жизни требует искренности и любви?... Из лицемерия и лжи никогда еще не возникало ничего великого и прочного. Вот почему искренность есть дар Бога и сокровище человека. И если современное человечество хочет выздороветь и возродиться, то оно должно вернуть себе силу и радость искреннего сердца.

